

Оглавление

Глава 1	5
Глава 2	19
Глава 3	31
Глава 4	45
Глава 5	55
Глава 6	75
Глава 7	86
Глава 8	103
Глава 9	115
Глава 10	130
Глава 11	142
Глава 12	157
Глава 13	168
Глава 14	182
Глава 15	195
Глава 16	206
Глава 17	220
Глава 18	237
Глава 19	246
Глава 20	257
Глава 21	274
Глава 22	289
Глава 23	299

Глава 1

— Алекса! Сашка! Латынина, стой! — Лев Половцев бежал за женщиной, только что бросив авто в неположенном месте. Перемахнул не очень ловко через ограждение и, расталкивая людей, рванул к подземному переходу. Он так не бегал никогда и ни за кем! Женщина обернулась, посмотрела на него, но вместо того, чтобы притормозить, даже ускорила шаг. Да что там, когда он уже почти догнал, она вдруг рванула прочь и юркнула в толпу, спускавшуюся в подземный переход. «И не обернулась! Что за детский сад!» — возмутился Половцев, замедляя шаг у верхней ступени.

В том, что он из окошка своего авто узрел ее, свою бывшую подругу Александру Латынину, Лев не сомневался. Да и не изменилась она за... сколько? Без сомнений, пятнадцать лет уже прошло! Кстати, а почему не изменилась-то?! Он вот постарел к тридцати пяти годам, нет — возмужал, окреп телом, то есть — поправился слегка, залысины на голове появились, как однажды бесхитростно заметила сестра Ольга. А Сашка Латынина, значит, девочка-студентка, такой и запомнил, такую и сейчас

узрел! Куртка до талии, джинсики, фигурка подростка почти без попы и без других выпуклостей. И, кажется, что и очки те же, что и носила в универе. Опытный взгляд следователя Половцева отметил лишь одну деталь, которая показалась... странной — почему шуба у Латыниной в руках, а не на ней? Пестрая такая, из разноцветных кусочков, кто такие носит? Он не видел никогда! А на улице мороз минус двадцать!

Половцев расстроился. Он, законник, ради давней подруги сейчас трижды нарушил закон: перестроился из ряда в ряд, подрезав автобус, бросил авто не там, где можно, перелез через ограждение, потому что боялся, что пока будет его обходить, Алексу упустит. И она вновь пропадет на... —надцать лет. Не догнал...

Лев вернулся к машине, сел за руль, включил аварийку и попытался осмыслить два вопроса — почему он, майор Половцев, погнался за этим «призраком» из молодости, и почему «призрак» от него сбежал? Первое действие еще можно было бы как-то объяснить сиюминутно возникшим любопытством — какая она теперь, Алекса? Чем живет и как? Или засевшим занозой где-то глубоко в душе вопросом — почему тогда, давно, сбежала из города? От него ли, или по какой другой причине? И, главное — куда? Он искал! Этот вопрос, пожалуй, стал бы главным, остановись она. Но нет, глянула, узнала и тут же кинулась прочь. Вопрос — зачем ей понадобилось от него когти рвать? Он-то — полицейский, но не преступница же она?!

«Забей! А то опоздаешь!» — приказал себе Половцев, так и не найдя ответа. Сев в машину, он не сразу выключил

чил аварийку, нахлынули вдруг воспоминания, вновь змеиным укусом отозвалась обида на Алексу, которая его... бросила! Или он убедил себя в этом, чтобы не винить себя самого? Любила бы, не уехала бы, не сказав ни слова, — так он думал, с годами все реже вспоминая о ней. Пока не забыл совсем. А сейчас понял — не забыл, иначе с чего бы так сильно колотиться сердцу?

«Ну и бог с тобой, Латынина!» — пожелал бывшей подруге Лев и повернул ключ зажигания. Но тут его внимание привлекла девушка, выбежавшая из нутра подземного перехода. Очень красивая девушка, не заметить которую ну, просто невозможно! И сильно взволнованная. Лев тут же забыл об Александре Латыниной. Пробежав немного вперед, красотка остановилась практически у машины Половцева. Их разделяла только невысокое ограждение. Незнакомка с безумным видом все тыкала и тыкала в телефон одним пальцем. Рука дрожала, нет, обе руки, и та, в которой она сжимала телефон, тоже ходила ходуном. Красавица, находясь в крайней степени возбуждения, видимо, никак не могла набрать нужный ей номер. Половцев приоткрыл дверцу, наполовину вылез из машины.

— Девушка, вам помочь? — крикнул он.

Но та будто и не слышала. Поминая черта, боженьку и какого-то уroda («вот же урод!»), красотка невидящим взглядом бегло обзревала округу и вновь утыкалась в экран мобильного. Дрожащий палец вновь терзал экран. Половцев не выдержал, окончательно вылез из машины, вновь перепрыгнул ограждение и направился к ней. Остался шаг, когда та, наконец, попала в нужные цифры.

— Глеб, ее больше нет! Алекса погибла! Только что! Ну, как-как?! Ты меня куда послал?! Вот там и... Кто-то ее толкнул на рельсы прямо под поезд! — со всхлипами закричала она в микрофон и вдруг протяжно заскулила.

Половцев слышал ответный мужской голос, тоже взволнованный, надрывный, который приказывал ей стоять, где стоит, не двигаться и ждать, и вдруг резко оборвался на неоконченной фразе. Потому что красotka, как оказалось, отключилась от разговора, со страхом глядя на него, Льва. Только сейчас заметила! Половцев неожиданно для себя схватил ее за рукав светлого пальто и потащил к своей машине. В обход — не лезть же и ей через ограждение! Незнакомка не сопротивлялась, безвольно перебирая ногами в черных ботильонах на высоком каблуке, только все повторяла, что она не виновата. Лев буквально запихнул ее на пассажирское сиденье и, хлопнув дверцей, побежал к своему, водительскому. Все действия заняли меньше минуты, он щелкнул брелоком сигнализации, запирая машину, достал из кармана удостоверение и раскрыл его перед девушкой. Та лишь бросила на корочки осторожный взгляд и тут же посмотрела прямо на Половцева. Он вдруг замер, ошеломленный необычным цветом радужки, он даже не знал, какой это цвет, определить, наверное, помог бы художник, профессионал. Темно-синее с фиолетовым оттенком кольцо обрамляло черный, суженый почти в точку, зрачок. Оно, это кольцо, затягивало в бездну, страшно-загадочную в своей этой глубокой синеве. Художника рядом не было, а он, Половцев — просто майор, следователь СК, хотя и старший. Нет, не разобраться ему...

Шумно вдохнув и выдохнув, Лев энергично потрянул головой, словно возвращаясь из этой синей бездны на твердую землю.

— Фамилия погибшей Латынина? Александра Латынина? — сурово спросил он.

— Яворская, — почти что прошептала незнакомка.

Он тут же вздохнул с облегчением, ну, конечно же, с чего вдруг? Мало ли кто называет Сашек Алексами, хоть мужское имя бери, хоть женское. Уф, пронесло...

— Латынина — девичья фамилия Алексы, — услышал он сразу после и чертыхнулся. Нет, не пронесло. Погибла именно Сашка. И, если б он ее догнал... то... что было бы? Или наоборот, не случилось бы чего? Смерти ее не случилось бы, вот чего!

— Вы кто ей? — спохватился он. Прозвучало грубо и с угрозой, он вновь, но уже про себя, чертыхнулся.

— Никто. То есть, я... в общем, я — будущая жена ее бывшего мужа Глеба Яворского, — с долей кокетства произнесла красавица.

«Яворский, Яворский... Глеб ... Это тот самый, что ли?! Сашка была его женой?! Обалдеть!» — Льва словно окатили ледяной водой, он даже выдохнуть не мог. Ну почему именно Яворский?! Он, Половцев, да что там — весь район работал, чтобы притянуть этого дельца хоть к чему, хоть к обналу, хоть к трафику оружия, да хоть бы к краже булки из ларька! Но ничего не вышло — неуязвим оказался Яворский, чист совестью и светел образом. Хоть икону с мужика рисуй! Половцев после очередной неудачи даже сомневаться начал — может, впрямь святой? «Как же я пропустил, что он был женат

на Сашке? Когда это было?! Черт возьми, не было в его биографии Александры Латыниной, вранье какое-то нагородила эта красотка, точно вранье!» — разозлился на непонятно зачем сочиняющую небылицы якобы будущую жену Яворского.

— Ваше имя? — не менее сурово, чем минутами ранее, задал он вопрос, но на девушку не посмотрел.

— Вот паспорт. Исаева Инга Валерьевна, — смиренно ответила та, доставая из крохотной черной сумочки документ без обложки. — А вы что, знали Алексу?

— Здесь вопросы задаю я! — отчеканил Половцев и вновь чертыхнулся внутренне, вслух лишь кашлянув пару раз. «Вот же засада! С чего бы меня так... разобрало?! Красоток не видел, что ль?!» — подумал он и приказал:

— Рассказывайте, что произошло!

— Мы, то есть, я должна была... да ничего я не должна! Глеб попросил, он не успевал! Я согласилась, вот и все, а теперь... вы меня подозреваете, да? Но это не я ее толкнула, я даже подойти к ней не успела!

— Стоп! Что вы должны-не должны Яворскому? — путанно спросил Лев.

— Ааа... Забрать у Алексы сверток. То есть, что-то такое, завернутое в пакет... и скотчем сверху.

— Это что-то, это — что конкретно? Запрещенные вещи, оружие, деньги? — приказал уточнить Половцев. Что за муть? Как можно подписываться незнамо на что? Тем более, если близко к теме Яворский... с его биографией!

— Не знаю! — с досадой воскликнула Инга Валерьевна Исаева, красавица и вообще какая-то чертовка, в при-

сутствии которой он, Лев Половцев ведет себя так... неадекватно.

— Не было у Латыниной в руках никаких свертков и пакетов. Шуба через руку перекинута и только. А больше ничего не было, когда она в переход бежала! — выдал он с досадой и подумал: «Ох, врешь, Инга Валерьевна, выкручиваешься! Не знаешь... все тебе известно, не дура ж ты!» Следующая мысль мелькнула догадкой — сверток мог быть и под шубкой, прятала Алекса его там! От кого, спрашивается?

— Шуба?! Почему она... зачем сняла в мороз?! С ума сошла! А потом надела... Чушь какая-то! — ошалело глядя на него, произнесла Исаева.

— То есть, в метро она была уже в шубе, я правильно понял? Ничего не перепутали?

— Перепутаешь тут! Вы же ее видели, шубу! Эксклюзив!

— Так что со свертком? — гнул свое Половцев.

— Со свертком... а что? Так и я не увидела его у нее, в этом-то и дело! Я — к ней в толпу, а она вдруг руки вскинула и — под поезд. А народу-то тьма, начало шестого, с завода авиационного толпа, все в метро! Вы же видели!

— Это Александра назначила вам встречу в метро? Вот именно в этом районе, у завода? — спросил он.

— Не мне, Глебу. Он не смог, у него... да кто ж знает, что там у него?! Может, то, а, может — это... деловой ужин, например, или совещание. Кто ж его знает, Глеба! — с отчаянием воскликнула Инга Исаева и замолчала.

— Как связаться с Яворским, скиньте мне номер телефона, по которому вы с ним только что общались! — приказал он.

— Куда? — насмешливо, как ему показалось, спросила красотка и покрутила перед его носом своим мобильным.

Половцев молча перегнулся через нее, открыл бардачок и извлек из него пачку визиток, перетянутых канцелярской резинкой. Вынул одну картонку и бросил ей на колени.

— На второй номер, первый — стационарный.

Инга Валерьевна Исаева, шевеля губами, сосредоточенно выполняла его «приказ», а Лев смотрел на ее профиль и думал совсем не о погибшей Алексе Латыниной. Он думал, почему совсем молодая женщина (двухтысячного года рождения, как было указано в паспорте) так неловко обращается с мобильником? Как... старушка. Бабушка Льва вот так же тычет указательным пальцем в экран айфона, который он, внук, подарил ей на день рождения в прошлом году. И шепчет себе под нос что-то, повторяет текст или цифры, которые вводит, что ли? Ну, бабуля, понятно, человек пожилой, соображающий не так быстро. Хотя, о ком это он? О докторе физико-математических наук Карелии Львовне Половцевой? Совсем умом тронулся... соображает бабуля уж точно быстрее и точнее его, внука. Но с гаджетом у нее дружба не срослась!

— Все, готово, — повернулась к нему Инга Валерьевна Исаева, подозреваемая или просто свидетель. Там Алекса на рельсах, а он тут расселся... с красавицей! И вообще у него выходной, и он опаздывает к бабуле на юбилей!

— Пойдемте к месту происшествия, — Лев кивнул на вход в метро.

— Не могу. Мне приказано стоять здесь! — твердо отказалась Исаева.

— Яворским приказано? — не удержался от усмешки Лев.

— Глебу нельзя перечить. Накажет, — с уважением произнесла та.

— Выпорет что ли? — расхохотался Половцев, представив тут же милую картинку — довольно крупный Яворский (плечи борца, а рост баскетболиста) изо всей мочи лупит ремнем по голой розовой попке миниатюрной девицы Исаевой.

— Нет, вы что, майор! Глеб пальцем никогда никого в жизни... да вы с чего взяли-то такое? Глупость несусветная!

— Ну, да... пальцем, может, не трогал, согласен. У него другие методы, — усмехнулся уже недобро Половцев, имея в виду, конечно же, предполагаемое «личное» кладбище врагов Яворского. Первое убийство тот совершил в двухтысячном году, будучи пятнадцатилетним подростком. И уже тогда сумел вывернуться в чистую, как рассказывал Половцеву его начальник полковник Крушинин.

— А что вы имеете в виду? Как-то странно вы о Глебе... высказались! О-ши-боч-но! — выговорила девушка по слогам. — Он максимально добрый человек. Его самое-самое наказание — молчанием. Придет домой и будет молчать весь вечер! А это... невыносимо! — чуть не со слезами добавила она.

Половцев лишь хмыкнул, явно с досады на дуру. То, что девица Исаева красива, но глупа, он уже понял. «Жаль,

не мой вариант. Или не жаль? Нафиг она мне... после того, как ее Яворский оприходовал!» — подумал он, вылезая вслед за ней из машины.

Инга Валерьевна уже стояла на том самом месте, где звонила Яворскому. И озиралась по сторонам, наверняка взглядом пытаясь найти в толпе своего будущего мужа Глебушку.

С парковками у метро было туго. Точнее — никак. Это он, майор СК, может оставить машину практически у входа, а какой-то Яворский пусть топает от парковки на следующем квартале ножками! Так с долей злорадства подумал Половцев и обернулся на визг тормозов. Не самый дорогой «мерс» встал прямо за джипом Половцева и тут же нахально замигал аварийкой. Яворский вылез с водительского места, перешагнул через ограждение, прошел мимо Половцева, кивнув ему, как старому знакомому, и заспешил дальше, к девице. Или будущей жене? Неужели все-таки?

Лев стоял и наблюдал, как тот обнял красотку за плечи и подтолкнул к подземному переходу. Та что-то возбужденно лепетала, задирая голову, чтобы заглянуть ему в лицо. Но мужик смотрел только вперед.

Ни Яворский, ни его спутница, спеша вниз, на майора даже не обернулись.

Карелии Львовне было тревожно, она суежилась у накрытого стола, поправляя идеально разложенные приборы и ровные треугольники накрахмаленных собственноручно льняных салфеток. В который раз проверяя чистоту

и блеск граней хрустальных фужеров под шампанское, стопочек под водку, стаканов под сидро, она не переставала думать о сыне, о его внезапно, словно из ниоткуда появившейся болезни, вполне определенно диагностировать которую смогли лишь в Израиле. Редкое орфанное заболевание ATTR-КМП, тяжелая сердечная недостаточность. Спорадическая форма, то есть, возникающая редко, от случая к случаю. Именно из-за сложности диагностики болезнь прогрессирует быстро, безжалостно сокращая остаток жизни до двух-трех лет. Симптомы возникают, как правило, после шестидесяти. Все так. Редко, незаметно... и смерть?!

Сергей ничем серьезным не болел в свои «слегка за шестьдесят», как он выражался. «Отстаньте, женщины! Я бессовестно здоров! Не дождетесь!» — с шутливой угрозой говорил он ей, его матери, и дочери Ольге, когда они вдвоем набрасывались на него с упреками за лишнюю рюмку спиртного или кусок жирного окорока. И вдруг! «Это судьба так над сыном... надругалась», — решила Карелия Львовна, пытаясь вспомнить, кто в их роду так нагрешил, что Сережа расплачивается так тяжело. В неотвратимость кармы она верила свято.

Свои болячки вмиг то ли спрятались глубоко, то ли она о них перестала думать, машинально потребляя по утрам горсть пилюль, выписанных внучкой-медиком.

Сегодня Карелии Львовне исполнилось восемьдесят, она пребывала в уме здоровом, завидном для многих молодых, до сих пор занималась репетиторством онлайн, сносно овладев ноутбуком, но пугаясь собственного мобильного. Почему-то казалось, что айфон — шпионский

гаджет, который подсматривает, подслушивает и даже читает ее мысли. А как иначе объяснить то, что реклама приходит, направленная на ее интересы, а мошенники пытаются говорить с ней от имени ректора университета, где она проработала полсотни лет? И к тому же, небольшой экран не позволял прочесть текст целиком, потому что приходилось ставить крупный шрифт. Эти неудобства добавляли нелюбви к гаджету. Немного стыдясь такого своего отношения к телефону, Карелия Львовна старалась интересующие ее вопросы задавать в ноутбуке в поисковой строке Яндекс, так было привычнее. Таким образом она нашла информацию о болезни сына. «Мам, лучше б тебе не знать! Жила б спокойно! Сам разберись!» — с досадой осадил ее попытки поговорить на эту тему Сергей. Ольга бессовестно поддержала отца, и теперь Карелии Львовне приходилось в одиночестве осмысливать выуженные из интернета сведения. Она прочла кучу статей на трех языках, какими владела, и чем глубже вникала в тему, тем становилось страшнее. Привычка систематизировать данные в конце концов и привела ее к неутешительному прогнозу — сын может уйти из жизни при любом очередном приступе. Слишком поздно диагностировали у него это редкое заболевание.

Единственным, кто хотя бы выслушал ее внимательно, стал внук Лев. Но поскольку к медицине он имел отношение опосредованное (частое общение с патологоанатомом по долгу службы плюс сестра-медик), то, выслушав бабушку, отправился за разъяснениями к Ольге. Что та ему поведала за пять минут общения на кухне, куда они удалились, Карелия Львовна так и не узнала.

Но Левушка вышел оттуда растерянным, а произнес всего одну фразу: «Ты права, ба... папа умирает».

Поэтому и осталось ей только думать о том, кто виноват? Чьи деяния мирские наслали на род проклятую болезнь? Вслух она свои мысли высказать никак не могла — все ее семейство было стойко неверующим ни в бога, ни в колдовские силы, ни в судьбу. Да она и сама пришла к пониманию не так давно и не без посторонней помощи.

Карелия Львовна посмотрела на часы — через какие-то полчаса начнут прибывать гости. И первым, как всегда, приедет внук Левушка.

— Клаша, у нас все готово? — уже в сотый, наверное, раз спросила она свою помощницу по хозяйству.

— Утка в духовке созревает, Карелия Львовна. Закуски расставлять? Иль рано?

— Пожалуй, уже можно.

— Вы бы присели, с утра на ногах.

— Ты права, Клаша, у меня есть минут двадцать, посижу. Что-то беспокойно мне.

— Так оно понятно, дата такая... волнительная. Вот бы дожить так и мне, в уме, да в памяти и на своих ногах! Да куда там, в роду умирали все рано, и не от болезней, а по несчастному случаю. Как проклятье какое! — Клавдия говорила, бегая из кухни в гостиную и обратно. — Ну, все, вроде последнее блюдо... — Она оглядела стол. — Какая у вас, Карелия Львовна, посуда красивая, все не налюбуюсь! Я такую в наших магазинах не встречала. Германская?

— Мейсенский фарфор, — рассеянно ответила Карелия Львовна и прислушалась. — Клаша, принеси телефон

скорее, он в спальне! — воскликнула она, чувствуя, как замерло на миг и застучало неровно сердце в предчувствии беды.

Клавдия уже и сама спешила из спальни с поющим мобильным.

— Да, слушаю, Оленька... боже... Хорошо, я поняла тебя, детка.

Она молчала, невидяще глядя на Клавдию и пытаясь отдышаться. Беда пришла к праздничному столу, как не вовремя! А когда было бы вовремя?!

— Карелия Львовна, да не молчите вы! — тронула ее за плечо Клавдия. — Случилось что? С Сергеем?

— Он жив, Клаша, но его срочно госпитализировали. Принеси пальто и обувь, я еду в клинику.

— Что ж вы так расстроились, не умер же!

— Клаша! — с горечью воскликнула Карелия Львовна. — Поторопись! Олюшка заказала таксомотор, скоро уже подъедет, а я не готова.

Она вышла в прихожую уже одетая, с сумочкой в руках. Ждать в квартире, решила она, смысла нет, нужно потихоньку спускаться.

— Стоит мотор ваш у подъезда, — Клавдия выглянула из окна кухни.

— А267 ЕР? — назвала Карелия Львовна номер, который скинула ей в сообщении Ольга, а она его легко запомнила.

— Оно. Я вас провожу до машины, мало ли...

У нее не было сил спорить, Карелия Львовна лишь кивнула.